

Лапина Н.Ю.¹, 2021

Франция в эпоху глобальных трансформаций

***Аннотация.** С момента вступления в современный этап глобализации Франция изменилась до неузнаваемости. Сдвиги происходили во всех сферах жизни общества, но они не были синхронными. Самая динамичная сфера, экономика, быстрее всего «отреагировала» на вступление Франции в глобальную экономику. В социальной сфере изменения протекали более замедленно, но были очень глубокими: они затронули рабочий класс, средние классы, которые численно сократились и фрагментировались. В середине 1990-х годов внешняя политика Франции начала адаптироваться к новому мироустройству, которое возникло в результате крушения СССР. Это вынудило французский политический класс пересмотреть свои внешнеполитические установки и «снизить амбиции». Ко второму десятилетию XXI в. изменился политический ландшафт страны: традиционные партии рухнули, на левом и правом флангах окрепли радикальные популистские движения и партии («Непокоренная Франция» Ж.-Л. Меланиона и «Национальное объединение» М. Ле Пен). Выражением этих масштабных изменений стали протестные движения; раскол между обществом и политическими элитами резко усилился. Ко всем проблемам добавилась пандемия коронавируса с ее тяжелыми экономическими и социальными последствиями.*

¹ *Лапина Наталия Юрьевна* – доктор политических наук, главный научный сотрудник ИНИОН РАН (lapina@inion.ru).

Ключевые слова: Франция, глобализация, Э. Макрон, социальная структура, внешняя политика, политический ландшафт, пандемия COVID-19.

Настоящий выпуск журнала «Актуальные проблемы Европы» посвящен году перекрестного международного сотрудничества Франции и России. В центре внимания авторов президентство Эммануэля Макрона. Он был избран президентом Пятой республики в 2017 г. Его предвыборная программа, изложенная в книге «Революция» [Macron, 2016 a], предполагала радикальные перемены во всех сферах жизни, включая международную политику. Президент поставил целью модернизировать страну, адаптировав ее к глобальной инновационной экономике и «великой трансформации», которую переживает мир сегодня. Одним из направлений политики президента должна была стать перестройка модели социальной рыночной экономики, которая сложилась во Франции в пору «славного тридцатилетия» (1946–1976-е годы). Эта социально-экономическая модель, подчеркивал Э. Макрон, перестала защищать граждан, превратившись в «источник нового социального неравенства» [Macron, 2016 b]. В течение пятилетнего президентского срока Э. Макрон обещал перейти к новой модели развития, которая «должна быть справедливой и устойчивой, способствовать сохранению окружающей среды и помогать гражданам продвигаться по социальной лестнице» [Macron, 2017]. В политической сфере предполагалось «очистить политику от пыли», открыть ее для новых людей – представителей гражданского общества. Во внешней политике глава государства сформулировал задачу восстановить «величие Франции» в мире.

Реализации этих амбициозных целей воспрепятствовала социально-экономическая и политическая реальность. Уже давно Франция не входит в число лидеров мировой экономики. За период с 2000 по 2015 г. вклад стран G7 в мировое промышленное производство уменьшился с 59,3 до 36,0%, причем доля Франции снижалась быстрее, чем у ее основных европейских конкурентов, составив в мировом ВВП 1,9% (2015) [Клинов, 2017, с. 115]. О снижении конкурентоспособности французского производства, отста-

вании Франции в области новейших цифровых технологий глава государства не мог не знать, поскольку в течение двух лет (2014–2016) занимал пост министра экономики и финансов.

А вот ситуацию во французском обществе президент представлял себе недостаточно хорошо. Лишь обосновавшись в Елисейском дворце, он открыл для себя «другую Францию» – «периферийную» страну, жители которой озабочены не модернизацией и новейшими технологиями, а поддержанием достойного уровня жизни. Стал очевиден недостаток у страны ресурсов для реализации амбициозной внешнеполитической линии. И наконец, в 2020 г. на Францию, как и на другие страны мира, обрушилась пандемия COVID-19, которая вынудила власть отказаться от многих первоначально намеченных планов.

Авторы статей в настоящем выпуске стремились показать, как сдвиги в экономических и социальных структурах влияли на умонастроения граждан, их политическое самоопределение и поведение, как в этих условиях трансформировалась повестка внутренней и внешней политики.

Отправной точкой в наших размышлениях стало событие, на несколько десятилетий вперед определившее жизнь страны: вступление Франции в современную эпоху глобальных трансформаций. Когда Франция предпринимала первые шаги в этом направлении, трудно было предположить, насколько глобализация изменит ее социальный, экономический и политический ландшафт. Современная фаза глобализации совпала с информационной революцией. Производительность в глобальной информационной экономике «зависит от способности генерировать, обрабатывать и эффективно использовать информацию, основанную на знаниях». По своему характеру она глобальная, поскольку «основные виды экономической деятельности организуются в глобальном масштабе» [Кастельс, 2000, с. 81].

Франция отстала от США, Великобритании, ФРГ, Канады, некоторых других стран Запада со вступлением в глобальный процесс экономического развития. Такое отставание обусловлено спецификой сложившейся социально-экономической модели. Среди ее отличительных черт: сильное государство и дирижист-

ская традиция в политике и экономике; ставка на крупные компании; неготовность к инновационной экономике; административная централизация и жесткая модель регулирования рынка труда.

Дирижистская традиция сложилась еще во времена абсолютизма и подразумевает ведущую роль государства в экономике. Во Франции именно государство, а не частный бизнес, определяет основные направления развития инноваций и финансирует приоритетные отрасли. С 1990-х годов французская промышленность начала приспосабливаться к международной конкуренции. Основной упор, как отмечалось в докладе министерства экономики и финансов (2017), был сделан на высокотехнологичные отрасли, в которых у Франции имелся технологический задел, такие как транспортное машиностроение (высокоскоростные поезда, автомобили), аэрокосмическая отрасль, фармацевтическая промышленность, производство предметов роскоши [Aubourg, 2017]. Государственный дирижизм определял не только содержание политики, но и круг акторов, принимающих решения в экономической сфере: ими являются высшие чиновники, многие из которых даже не представляют, как функционирует реальный сектор.

Традиционно ставка во французской экономике делается на *развитие крупных компаний*, хотя наиболее адаптированными к инновационной экономике оказываются малые и средние предприятия. Во Франции ежегодно создаются 500 тыс. новых предприятий, вместе с тем немногие из них остаются на рынке: они испытывают сложности с получением банковских кредитов, им недостает финансовых средств для развития, существуют трудности в привлечении и удержании высококвалифицированного персонала.

Франция не была готова к инновациям. В общем объеме промышленного производства доля высокотехнологичной продукции невысока, а следовательно, и спрос на новые технологии ограничен. Во Франции недостает предпринимателей – экономических акторов, готовых к риску и мыслящих инновационно. Это обстоятельство явилось серьезным тормозом на пути Франции к экономике знаний. Недостает во Франции и работников новых профессий, связанных с усвоением и обработкой информации. На

сегодняшний день в сфере информационно-компьютерных технологий занято 3% экономически активного населения страны (688,5 тыс. работников), этого явно недостаточно, чтобы развивать цифровую экономику.

Централизаторская традиция проходит через всю историю Франции. Несмотря на начавшуюся в 1980-е годы децентрализацию, она ограничивает возможности экономических акторов, полномочия и ресурсы регионов, необходимые как для повышения их привлекательности для бизнеса, так и для дальнейшего развития инновационных структур, таких как «полюса конкурентоспособности», технополисы, научно-производственные кластеры. Статус, финансовые и прочие ресурсы территорий – важнейший фактор развития современной экономики. В новом цифровом мире вертикальная система управления становится все более проблематичной, а инновационная экономика требует новых, более гибких методов управления.

Жесткое регулирование рынка труда на протяжении десятилетий ограничивало возможность рабочей силы перемещаться внутри страны, обостряя кризис занятости. Отсутствие консенсуса между социальными партнерами, невозможность сократить заработную плату и продолжительность рабочего времени в условиях неблагоприятной экономической конъюнктуры превратили безработицу в застойное явление. На протяжении многих лет безработица с некоторыми колебаниями оставалась во Франции на уровне 10%.

С вступлением в открытую экономику мир изменился. «В течение последних 40 лет у нас было впечатление, что больше не существует границ. Речь шла о все более быстрой циркуляции товаров и услуг и накоплении», – отмечал Э. Макрон в интервью газете «Financial Time». К положительным моментам президент Французской Республики отнес «избавление от тоталитаризма», крушение Берлинской стены, «выход из нищеты сотен миллионов людей во всем мире» [Macron, 2020]. Вступление в открытую экономику изменило повседневную жизнь французов. Выиграли потребители, получившие доступ к дешевым импортным товарам. Благодаря снижению транспортных тарифов французы больше

путешествовали по всему миру, а французские учащиеся стали обучаться за границей и лучше, чем их родители, владеют иностранными языками, в первую очередь английским.

Тем не менее за вступление в глобальный мир Франция заплатила высокую цену. Тысячи предприятий были закрыты, другие переведены в страны «третьего мира»; неконкурентоспособные на мировом рынке отрасли сворачивались. Одним из самых драматичных последствий вступления в открытую экономику стала деиндустриализация, в результате которой миллионы французов лишились рабочих мест. Долгое время эта тема замалчивалась, но сегодня она обсуждается на самом высоком уровне, о ней говорят с международных трибун [Macron, 2021].

В условиях глобализации приток прямых иностранных инвестиций во Францию резко вырос, но оборотной стороной сделалось ослабление позиций национального капитала. С утратой контроля государства над приватизированными компаниями число перешедших под контроль иностранных инвесторов в стратегических отраслях за 2014–2019 гг. удвоилось – с 105 до 213 [Лапина, 2020, с. 107].

Экономика как самая динамичная сфера быстрее всего отреагировала на вступление Франции в глобализационный процесс. В социальной сфере изменения протекали более замедленно, чем в экономике. Адаптация внешней политики Франции к новому плюралистическому мироустройству с разнообразием региональных «центров силы» не завершилась по сей день.

Проблемам, связанным с вступлением Франции в глобальную экономику и Четвертую промышленную революцию, посвящена статья Е.М. Черноуцан. В ней показано, как на протяжении последних десятилетий Франция утрачивала конкурентные позиции на мировом рынке, как возросли риски технологической зависимости страны и какие задачи стоят перед властями в условиях цифровой реиндустриализации. Особый интерес представляет новый взгляд французского руководства на глобализацию, которая должна «сочетаться с регулированием».

Параллельно с вступлением в глобальную экономику во Франции происходил сложный и болезненный переход от дири-

жистской модели экономики к модели либеральной. Однако «отступление государства» было медленным и непоследовательным, властям Франции приходилось не раз отказываться от планов реформирования экономики и социальной сферы, поскольку либеральные реформы встречали сопротивление со стороны значительной части французского общества. В результате этого, пишет один из авторов выпуска АПЕ Г.В. Семеко, «французская модель рыночной экономики приобрела своеобразный гибридный характер: это уже не дирижистская, но еще и не либеральная модель классического типа».

Важнейшая тема выпуска – изменения в социальной структуре французского общества. В нем углубились старые и возникли новые разломы; все острее ощущается противостояние социально-профессиональных групп, которые вписались в новую экономику, и тех, кто остался на ее периферии. Представители различных социально-профессиональных категорий мыслят и ощущают себя по-разному, не случайно социолог Ж. Фурке пишет о новых «классовых» разделениях французского общества на «открытых глобализации победителей» и «закрытых в национальных рамках проигравших» [Fourquet, 2019]. Удел «периферийной» Франции¹ – неполная занятость и безработица, низкие доходы и зависимость от государственных социальных пособий. Представители «периферийной» Франции в прямом смысле слова живут на периферии – за пределами больших городов, в пригородах, малых и средних городах (статья Н.Ю. Лапиной).

В социально-профессиональном отношении первыми жертвами глобализации стали рабочие. С начала XX в. наметилось сокращение численности и фрагментация среднего класса, в состав которого входят представители разных профессий. На этом фоне происходил рост числа управленческих работников и лиц интеллектуальных профессий; возродился исчезнувший после Второй мировой войны класс рантье, чье благосостояние растет за счет операций с финансами и недвижимостью. Неравный доступ гра-

¹ Термин «периферийная Франция» введен французским географом К. Гиллюи. Имеются в виду французы, живущие за пределами больших городов. Используется также как метафора «незаметных» людей.

ждан к материальным, культурным, социальным ресурсам стал остройшей проблемой современной Франции. Пандемия COVID-19 еще больше усилила неравенство, противопоставив две Франции – благополучную и неблагополучную.

Во Франции существует еще один раскол, имеющий не только социально-экономическое, но и культурно-религиозное измерение. Он связан с ростом массовой миграции. В условиях глобализации миллионы людей начали свободно перемещаться по планете. В результате в непосредственной близости оказались народы, имеющие разную систему ценностей, принадлежащие к различным культурным и религиозным традициям. В последние годы Франция, как и другие страны Европы, стала «ареной противостояния норм и ценностей христианства и ислама, превратившегося во вторую по числу приверженцев религию» [Интеграция инокультурных..., 2018, с. 5].

Рост числа мигрантов вызвал негативную реакцию во французском обществе: в нем стало расти недоверие граждан к «чужакам», лицам другой национальности и религии. В свою очередь, эта негативная реакция, доходящая до «исламофобии», вызывает отторжение значительной части арабо-мусульманской диаспоры, криминализацию молодежи, создающую питательную среду для политического экстремизма. Исследователи обращают внимание на возрастающий раскол между коренными французами и арабо-мусульманской диаспорой, который проявляется в снижении числа смешанных браков; возникновении однородных по своему составу анклавов, превратившихся в «социальные гетто», где проживают иммигранты и их дети; в нарастании конфликтных отношений между «новыми» гражданами и принимающим обществом [Прохоренко, 2017, с. 433]. На этом фоне выделяется китайская диаспора, которую нередко называют «модельной», поскольку ее представители в основном «вписались» во французское общество. Эти люди много и упорно работают, их дети хорошо учатся, число смешанных браков коренных французов не только с китайцами, но с «азиатами» в целом растет (статья А.В. Гордона).

Параллельно с социально-экономическими и культурно-религиозными расколами во Франции в последние десятилетия уг-

любился раскол между обществом и элитой. О том, что представляет собой современная французская политическая элита, можно узнать из статьи В.Н. Чернеги. А вот история раскола, сложившегося во Франции между элитой и обществом, заслуживает особого внимания. Она восходит к 1983 г., когда президент-социалист Ф. Миттеран, отказавшись от предвыборной программы, встал на путь либеральных реформ. Тогда часть левого электората отвернулась от ФСП, обвинив ее лидеров в предательстве социалистических принципов. Следующий эпизод, противопоставивший правящую элиту обществу, произошел в начале нового столетия. В 2005 г. на референдуме французы большинством голосов (55%) проголосовали против принятия Европейской конституции. Тем не менее в президентство Н. Саркози парламент ратифицировал Лиссабонский договор, текст которого совпадал с Конституцией ЕС (2008). Принятие Национальным собранием этого документа усилило противостояние между политической элитой и основной массой французских граждан.

Как свидетельствуют материалы опроса Центра изучения французской политической жизни (CEVIPOF), проведенного в 2020 г. в трех европейских странах, во Франции неприятие элиты обществом ощущается гораздо острее, чем в ФРГ и Великобритании. «Сейчас Франция находится на распутье, – подчеркивает французский аналитик А. Дюбьен. Традиционные элиты как никогда дискредитированы и воспринимаются большинством населения “оторванными от реальности и земли”». Французы дезориентированы тем, что «государство-нация» подвергается эрозии. Сверху – в результате глобализации и делегирования полномочий в Брюссель, снизу – «разобщением в связи с появлением плохо интегрированных во французскую культуру общин» [Дюбьен, 2021].

Там, где общество отвергает элиту, неизбежным становится возникновение популизма. В статье французского социолога Л. Рубана исследуется феномен «неопопулизма». В отличие от традиционного популизма, стремившегося к установлению авторитарного режима во главе с «всемогущим лидером», «неопопулизм», получивший распространение во Франции, антиэлитарен по своему характеру, выступает против концентрации политиче-

ской власти в одних руках, не приемлет пропасти, «которая образовалась между уровнем, на котором реально принимаются политические решения... и демократическим голосованием»¹.

Во втором десятилетии XXI в. французский политический ландшафт радикально трансформировался: действовавшие на политической арене в течение десятилетий традиционные партии утратили влияние в обществе; на левом и правом флангах усилились популистские партии и движения. В ходе президентских выборов 2017 г. впервые в истории Пятой республики ни один из кандидатов системообразующих партий во второй тур не прошел. Победу одержал Э. Макрон. Его победа совершилась в нарушение политических традиций: за ним не стояла влиятельная политическая партия, кандидат на президентский пост не имел опыта работы на выборных должностях, не участвовал в политической жизни страны. Однако Э. Макрон обладал харизмой, молодостью и выдвинул амбициозную программу модернизации французского общества.

С приходом к власти Э. Макрона во Франции начался очередной цикл смены элит. На парламентских выборах (июнь 2017 г.) пропрезидентское движение «Вперед, Республика!» (ВР) одержало победу, за него отдали свои голоса 43,6% избирателей. Представители ВР получили 321 депутатское место из 577, Национальное собрание обновилось на 72%. При отборе кандидатов ВР ставка была сделана на омоложение депутатского корпуса, соблюдение гендерного равенства и вовлечение в политику новых людей.

Однако ни приход Э. Макрона к власти, ни частичное обновление политического класса не изменили отношения между французским обществом и политическими элитами. Французы, как свидетельствуют опросы общественного мнения, не доверяют не только политическим элитам, но и политическим институтам. Президент – центральная фигура в политической системе Пятой республики, в марте 2020 г. институту президента доверяли 30% французов. Невысокий рейтинг у правительства – ему доверяли 27% опрошенных, нижней палате парламента – 31, верхней палате –

¹ См. статью Л. Рубана в данном журнале.

33, политическим партиям – 13% опрошенных [En qu (o) i les Français., 2020]. Разочарование французов в традиционных политических институтах проявилось в росте абсентеизма на выборах и радикализации общественных настроений. Пожалуй, единственной политической силой, которая сумела воспользоваться кризисом традиционных партий, стала партия экологов – «Европа. Экология – Зеленые». Экологи успешно выступили в ходе выборов в Европейский парламент (2019), одержали ряд значимых побед на муниципальных выборах (2020) и возглавили мэрии шести городов с числом жителей свыше 100 тыс. человек (Безансон, Бордо, Лион, Страсбург, Тур, Гренобль). В статье Г.Н. Канинской объясняются причины популярности экологического движения, показано, какое влияние на французское общество оказывают проблемы потепления климата и ухудшения состояния окружающей среды.

На фоне снижения доверия к политическим акторам и институтам во Франции нарастал гражданский протест, о чем свидетельствовало движение «желтых жилетов», на протяжении более года сотрясавшее Францию (2018–2019). В этом движении, как считает географ К. Гиллюи, нашел выражение «культурный и социальный шок», который испытали на себе представители французской глубинки, оказавшиеся вне экономических и общественных структур современного глобального общества [Guilluy, 2018]. Масовые выступления во Франции все чаще приобретают брутальную форму, проявляющуюся в жестком противостоянии с полицией. Американский социолог Р. Мёртон писал о том, что, если люди не получают доступа к ресурсам «институциональным способом», в обществе распространяется «антисоциальное поведение» [Мёртон, 1966].

Анализируя социальные движения последних десятилетий, французский политолог Д. Бурмо выделяет два типа: «традиционные» движения протеста, которые выступают с социально-экономическими требованиями, и общественные движения эпохи постмодерна, которые отстаивают новые стили жизни и новые ценности. Первые в ходе своих выступлений стремятся «окупировать» физическое пространство, а именно улицы; вторые, хотя и

проводят массовые выступления, в основном разворачивают свою деятельность в социальных сетях. Успех новых социальных движений, как считает автор, объясняется тем, что они находят поддержку политической элиты, в отличие от традиционных социальных движений, которые так и остаются там, где они возникли, – на периферии общественной жизни.

Э. Макрон пришел к власти с обширными планами дальнейшей либерализации французской модели социально-экономического развития. Основные направления либеральных реформ, осуществленные главой государства, анализируются в статье Г.В. Семеко. Вместе с тем дальнейшее будущее либерализации под вопросом.

Во-первых, общество резко реагировало на реформы, снижающие социальную защищенность граждан и ликвидирующие привилегии отдельных категорий работающих по найму (в частности, государственных служащих).

Во-вторых, серьезным препятствием на пути либерализации экономики стала пандемия COVID-19. До недавних пор, подчеркивает основатель французской институциональной школы экономист Р. Буайе, власти стремились сократить государственные расходы, снизить дефицит бюджета. Однако пандемия изменила иерархию ценностей: главным стало сокращение числа жертв заболевания [Boyer, 2021]. В условиях санитарного кризиса государство приняло беспрецедентное решение о «закрытии» значительной части экономики (локдаун). Усилилось государственное вмешательство в такие проблемные отрасли, как авиация и автомобилестроение, остро встал вопрос о переориентации французской экономики на модель импортозамещения. Знаковым событием явилось учреждение во Франции поста Верховного комиссара по планированию (1 сентября 2020 г.)¹.

¹ До этого во Франции существовал Генеральный комиссариат по планированию (*Le Commissariat général au Plan*) (1946–2006), отвечавший за составление пятилетних рекомендательных планов экономического развития. В 2006 г. на его месте был создан Центр стратегического анализа (*Centre d'analyse stratégique*), с 2013 г. переименованный во «Франция – стратегия» (*France stratégie*).

В-третьих, в условиях санитарного кризиса правительство усилило социальную ориентированность экономики. Российские исследователи обращают внимание на «рациональное поведение» правительств ведущих стран в социальной области [Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020]. Французские власти стали лидерами в проведении социально ориентированной политики. Исследование, проведенное ОЭСР, показало, что по уровню «помощи безработным, социальной помощи, семейным пособиям Франция занимает ведущие позиции среди стран ОЭСР». В 2020 г. на оказание социальной помощи гражданам в условиях пандемии французское государство направило 32% своего ВВП, обогнав по этому показателю Финляндию (29,6%), Данию (29,2%), ФРГ (25,4%) [Hiault, 2020]. Знаменательны слова Э. Макрона о том, что государство всеобщего благосостояния – это не нагрузка на общество, но «великая ценность» [Macron, 2020].

Вхождение в глобальный мир изменило не только экономику и социальную структуру общества, но и соотношение сил в международной политике, где появились новые центры силы. В статье Е.О. Обичкиной исследуются сдвиги в геополитических представлениях французских элит, показано, как в последние десятилетия менялась внешняя политика Франции. Эпохи де Голля с ее акцентированием национального суверенитета, отстаиванием независимой внешней политики, мечтой о создании «европейской» Европы («до Урала»), в которой Франция займет лидирующие позиции, больше не существует, делает вывод автор.

В современном мире происходит выстраивание новой мировой иерархии с такими центрами силы, как США и Китай. С середины 1990-х годов во внешнеполитических установках Франции происходило «снижение амбиций». В настоящее время французская политическая элита руководствуется «отказом от национальной геополитической идентичности в пользу европейской, призванной воплотиться в ЕС», и «отказом от голлистской парадигмы в пользу атлантической». Во французской политике, аналитике, дипломатии, как подчеркивает Е.О. Обичкина, сформировался новый *Homo Atlanticus*, мыслящий категориями сближения с США.

В новой расстановке сил на мировой арене Франции все сложнее отстаивать свои национальные и общеевропейские интересы.

Несмотря на все эти ограничения, Франция продолжает позиционировать себя как «страна с глобальной ответственностью». Президент Э. Макрон выступает за проведение «амбициозной политики», у него, несомненно, есть стратегическое видение, и он активно действует на международной арене. Франция, как считает глава государства, призвана играть в мире роль «уравновешивающей страны», которая будет «усмирять соперничающие державы», а для этого ей предстоит выстраивать параллельные отношения с США, Китаем и Россией. Э. Макрону удалось добиться определенных успехов в области совместной европейской обороны; он развивает отношения со странами Индо-Тихоокеанского региона – Индией, Австралией, Японией («индо-тихоокеанская ось»).

Одним из направлений внешнеполитической деятельности главы государства стало развитие франко-российских отношений. Этой проблематике посвящена статья А. Дюбьена и Н.Ю. Лапиной. Авторы сравнивают франко-российские отношения с «американскими горками». На протяжении истории в отношениях двух стран было немало подъемов и спадов. В них присутствует фактор непредсказуемости: «атлантист» Н. Саркози сыграл позитивную роль в разрешении российско-грузинского конфликта (2008), в его президентство успешно прошел «перекрестный год Франции в России и России во Франции» (2010). В годы правления Ф. Олланда в двусторонних отношениях наметился спад, но диалог не прекращался. Ставший президентом в 2017 г. Э. Макрон «*a priori* не испытывал никаких симпатий к России», однако в его президентство в очередной раз проявилась непредсказуемость современной политики. Неоднократно Э. Макрон удивлял как французскую, так и российскую элиту: в 2017 г., пригласив В.В. Путина с официальным визитом во Францию; в 2019 г., пригласив его в форт Брегансон. Через несколько дней после этой встречи глава французского государства, выступая перед послами своей страны, заявил о необходимости выстраивания «честного и требовательного диалога с Россией». Эта установка на диалог с нашей страной неизменно звучит во многих выступлениях фран-

цузского главы государства, даже тогда, когда вокруг России в мире складывается крайне неблагоприятная ситуация («дело Скрипалей», «дело Навального»).

В выпуске помещена еще одна статья, в которой речь идет о двусторонних отношениях. Она посвящена германо-французскому тандему, который составляет ядро Европейского союза. В статье Ф.О. Трунова прослеживается история взаимодействия двух ведущих стран ЕС. На примере вооруженных конфликтов на востоке Украины, в Сирии и Мали показано, что в последние годы германо-французский тандем становился значимым фактором мировой политики. Характерно, что на этих направлениях ФРГ и Франция действовали автономно по отношению к США, притом данный курс стал реализовываться еще задолго до прихода к власти администрации Д. Трампа.

Как бы ни были дискуссионны и остры проблемы, о которых идет речь в издании, нет сомнения, что в настоящее время центральной заботой Франции и французских властей является борьба с пандемией. Эксперты справедливо отмечают, что «пандемия коронавируса и рецессия ставят жестокий эксперимент над человечеством и его способностью распознавать угрозы, мобилизовываться, аккумулировать интеллектуальные, управленческие и финансовые ресурсы для защиты от обоих кризисов» [Григорьев, Павлюшина, Музыченко, 2020, с. 23].

Мишель Уэльбек, писатель с острым и пессимистическим видением мира убежден, что, «когда закончится самоизоляция, мы не проснемся в новом мире. Это будет все тот же мир, только гораздо хуже» [цит. по: Caviglioli, Leménager, 2020, p. 93]. Президент Франции Э. Макрон с большим оптимизмом смотрит в будущее. Он полагает, что COVID-19 может «очеловечить капитализм». Это включает в себя, по его мнению, прекращение «гиперфинансированного» мира, активизацию усилий по спасению планеты от разрушительных последствий глобального потепления и укрепление французского и европейского «экономического суверенитета» за счет инвестиций внутри страны в наиболее востребованные высокотехнологичные отрасли промышленности, такие как электродвигатели для реорганизации автопрома, медицинское оборудо-

вание, лекарства. «Мы, – заявляет президент Франции, – переживаем момент истины, который должен показать, является ли Европейский союз политическим или просто рыночным проектом». А еще, что «травма пандемии должна объединить страны в многосторонних действиях, чтобы помочь самым слабым преодолеть кризис», побудить правительства уделять приоритетное внимание человеческим жизням, а не экономическому росту, борьбе с экологическими катастрофами и социальным неравенством [Macron, 2020].

На этом позитивном пути выхода из пандемии, о котором мечтает глава французского государства, остается множество вопросов и неопределенностей. Удастся ли победить пандемию в ближайшее время или борьба с ней растянется на длительный период? Удастся ли восстановить экономику после выхода из санитарного кризиса и какими методами лучше действовать – привычными дирижистскими или рыночными, предоставляя свободу выбора экономическим субъектам? Наконец, как сохранить равновесие между задачами подъема экономики и социальной защитой населения?

Какие решения будет принимать французское правительство, какими будут его приоритеты, сказать сложно. Но одно очевидно, что принимать политические решения Э. Макрону и его ближайшему окружению придется с учетом общественных настроений, и этот фактор недооценивать нельзя.

Литература

Григорьев Л.М., Павлошина В.А., Музыченко Е.Э. Падение в мировую рецессию 2020... // Вопросы экономики. – 2020. – № 5. – С. 5–24.

Дюбьен А. Французские президенты после Де Голля: Сплошные разочарования // Валдай [сайт]. – 2021. – 03.02. – Режим доступа: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsuzskie-prezidenty-posle-de-gollya/> (Дата обращения – 21.02.2021).

Интеграция инокультурных мигрантов: Перспективы интеркультурализма / Отв. ред. И.П. Цапенко, И.В. Гришин. – М.: ИМЭМО РАН, 2018. – 233 с.

Кастельс М. Информационная эпоха: Экономика, общество, культура. – М.: ГУ-ВШЭ, 2000. – 608 с.

Клинов В.Г. Сдвиги в мировой экономике в XXI в.: Проблемы и перспективы развития // Вопросы экономики. – 2017. – № 7. – С. 114–127.

Лапина Н.Ю. Есть ли шанс возродить французскую промышленность? // Мировая экономика и международные отношения. – 2020. – № 10. – С. 103–111.

Мёртон Р.К. Социальная структура и аномия // Социология преступности. Современные буржуазные теории: Сб. статей: Пер. с английского. – М.: Прогресс, 1966. – С. 299–313.

Прохоренко И.Л. Диаспоры и диаспоральные «миры» // Идентичность: Личность, общество, политика. Энциклопедическое издание / Отв. ред. И.С. Семененко. – М.: Изд-во «Весь мир», 2017. – С. 432–439.

Aubourg A. La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Études économiques // Les 4 pages de la Direction générale des entreprises. – 2017. – N 76, octobre. – Mode of access: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (Date of access – 13.07.2019).

Boyer R. Quand la crise oblige à repenser l'économie // France culture. – 2021. – 13.01. – Mode of access : <https://www.franceculture.fr/emissions/linvitee-des-matins/quand-la-crise-oblige-a-repenser-leconomie> (Date of access – 21.02.2021).

Caviglioli D., Leménager G. Houellebecq est-il d'extrême droite ? // L'Obs. – 2020. – 12.11, N 2928. – P. 89–93.

En qu (o)i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Baromètre de la confiance politique // CEVIPOF. – 2020. – Vague 11, février-mars. – Mode of access : <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (Date of access – 21.02.2021).

Fourquet J. L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. – Paris : Seuil, 2019. – 383 p.

Guilluy Ch. Interview // Radio RCJ. – 2018. – 20.11. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tfR26o (Date of access – 21.02.2021).

Hiault R. Coronavirus : La France plus que jamais championne des dépenses sociales // Les Echos. – 2020. – 30.11. – Mode of access: <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/coronavirus-la-france-plus-que-jamais-championne-des-depenses-sociales-1269608> (Date of access – 21.02.2021).

Macron E. Intervention dans le cadre de l'Agenda de Davos organisé par le World Economic Forum // Présidence de la République [site officiel]. - 2021. - 26.01. - Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/01/26/intervention-du-president-emmanuel-macron-dans-le-cadre-de-lagenda-de-davos-organise-par-le-world-economic-forum> (Date of access - 21.02.2021).

Macron E. FT Interview : Emmanuel Macron says it is time to think the unthinkable // Financial Time. - 2020. - 16.04. - Mode of access: <https://www.ft.com/content/3ea8d790-7fd1-11ea-8fdb-7ec06edeef84> (Date of access - 21.02.2021).

Macron E. La Révolution. - P. : XO, 2016 a. - 146 p.

Macron E. Le discours au Mans le 11 octobre 2016. - 2016 b. - Mode of access : <https://www.youtube.com/watch?v=MxQUwfnPmCg> (Date of access - 21.02.2021).

Macron E. Mon projet économique : Interview // Les Echos. - 2017. - 23.02. - Mode of access: <https://www.lesechos.fr/politique-societe/emmanuel-macron-president/0211826576981-emmanuel-macron-mon-projet-economique-2067359.php> (Date of access - 15.10.2017).

Présentation du Haut-Commissariat au Plan // Gouvernement français [site officiel]. - 2020. - Mode of access: <https://www.gouvernement.fr/haut-commissariat-au-plan/presentation> (Date of access - 21.02.2021).

DOI: 10.31249/ape/2021.03.01

Lapina N.Yu.¹, 2021

France in the era of global transformations

Abstract. Since joining the current stage of globalization, France has changed considerably. Shifts occurred in all spheres of society, but they were not synchronous. The most dynamic area – the economy – was the fastest to «react» to France's entry into the global economy. In the social sphere, the changes were slower than in the economy, but they were very profound: they affected the working class, employees, and the middle classes, which were numerically reduced and fragmented. In the mid-1990s, France's foreign policy began to adapt to the new world order that emerged as a result of the collapse of the USSR. This forced the French political class to reconsider its foreign policy attitudes and «to make lower its ambitions». By the second decade of the

¹Lapina Natalia Yur'evna – Principal researcher, INION RAS, Doctor of political sciences (Sc.D. in Politics) (lapina@inion.ru).

twenty-first century, the political landscape of the country had changed: traditional parties had collapsed, and radical populist parties and movements («Unconquered France» of J.-L. Mélenchon and «National Union» of M. Le Pen) had become stronger on the left and right flanks. Against the background of these large-scale changes, social protest movements have emerged and intensified in France; the split between society and the elites has acquired unprecedented proportions. To these trends and phenomena, the coronavirus pandemic has been added, which poses a huge number of problems for the country's authorities to solve.

Keywords: France, globalization, E. Macron, social structure, foreign policy, political landscape, pandemia.

References

Aubourg A. (2017). La mondialisation a amené l'industrie française à se spécialiser sur ses points forts: Études économiques // Les 4 pages de la Direction générale des entreprises. - N 76, octobre. - Mode of access: https://www.entreprises.gouv.fr/files/files/directions_services/etudes-et-statistiques/4p-DGE/2017-10-4p-N76-Mondialisation.pdf (Date of access - 13.07.2019).

Boyer R. (2021). Quand la crise oblige à repenser l'économie // France culture. - 13.01. - Mode of access : <https://www.franceculture.fr/emissions/linvitee-des-matins/quand-la-crise-oblige-a-repenser-leconomie> (Date of access - 21.02.2021).

Castells M. (2000). Information age: Economy, society, culture [*Informatsionnaya epokha: Ekonomika, obshchestvo, kul'tura*]. - Moscow : GU-VShE. - 608 p.

Caviglioli D., Leménager G. (2020.) Houellebecq est-il d'extrême droite? // L'Obs. - 12.11, N 2928. - P. 89-93.

Dubien A. (2021). French Presidents after De Gaulle: Continuous disappointments [*Frantsuzskie prezidenty posle de Gollya: Sploshnye razocharovaniya*] // Valdai [site]. - 03.02. - Mode of access: <https://ru.valdaiclub.com/a/highlights/frantsuzskie-prezidenty-posle-de-gollya/> (Date of access - 21.02.2021).

En qu (o) i les Français ont-ils confiance aujourd'hui? Baromètre de la confiance politique. (2020) // CEVIPOF. - Vague 11, février-mars. - Mode of access : <https://www.sciencespo.fr/cevipof/sites/sciencespo.fr/cevipof/files/OpinionWay%20pour%20le%20CEVIPOF-Baromètre%20de%20la%20confiance%20en%20politique%20-%20vague11%20-%20Comparaison-1.pdf> (Date of access - 21.02.2021).

Fourquet J. (2019). L'archipel français. Naissance d'une nation multiple et divisée. - Paris : Seuil. - 383 p.

Grigoryev L.M., Pavlyushina V.A., Muzychenko E.E. (2020). The fall into 2020 recession... [*Padenie v mirovuyu retsessiyu 2020...*] // *Voprosy Ekonomiki*. – N 5. – P. 5–24.

Guilluy Ch. (2018). Interview // Radio RCJ. – 20.11. – Mode of access: https://www.youtube.com/watch?v=0_ZQ1tFR26o (Date of access – 21.02.2021).

Hiault R. (2020). Coronavirus : La France plus que jamais championne des dépenses sociales // *Les Echos*. – 30.11. – Mode of access: <https://www.lesechos.fr/monde/enjeux-internationaux/coronavirus-la-france-plus-que-jamais-championne-des-depenses-sociales-1269608> (Date of access – 21.02.2021).

Integration of foreign cultural migrants: Perspectives of interculturalism. (2018) [*Integratsiya inokul' turnykh migrantov: perspektivy interkul' turalizma*] / I.P. Tsapenko, Grishin I.V. (Eds). – Moscow : IMEMO RAS. – 233 p.

Klinov V.G. (2017). Shifts in the global economy in the XXI century: Problems and development prospects [*Sdvigi v mirovoi ekonomike v XXI v.: Problemy i perspektivy razvitiya*] // *Voprosy Ekonomiki*. – N 7. – P. 114–127.

Lapina N.Yu. (2020). Deindustrialization-reindustrialization : Is there any chance revival French industry? [*Est' li shans vozrodit' frantsuzskuyu promyshlennost'?*] // *World economy and international relations*. – N 10. – P. 103–111.

Macron E. (2020). FT Interview : Emmanuel Macron says it is time to think the unthinkable // *Financial Time*. – 16.04. – Mode of access: <https://www.ft.com/content/3ea8d790-7fd1-11ea-8fdb-7ec06edeef84> (Date of access – 21.02.2021).

Macron E. (2021). Intervention dans le cadre de l'Agenda de Davos organisé par le World Economic Forum // Présidence de la République [site officiel]. – 26.01. – Mode of access: <https://www.elysee.fr/emmanuel-macron/2021/01/26/intervention-du-president-emmanuel-macron-dans-le-cadre-de-lagenda-de-davos-organise-par-le-world-economic-forum> (Date of access – 21.02.2021).

Macron E. (2016 a). *La Révolution*. – P. : XO, – 146 p.

Macron E. (2016 b). Le discours au Mans le 11 octobre 2016. – Mode of access : <https://www.youtube.com/watch?v=MxQUwfnPmCg> (Date of access – 21.02.2021).

Macron E. Mon projet économique : Interview. (2017) // *Les Echos*. – 23.02. – Mode of access: <https://www.lesechos.fr/politique-societe/emmanuel-macron-president/0211826576981-emmanuel-macron-mon-projet-economique-2067359.php> (Date of access – 15.10.2017).

Merton R.K. (1966). Social structure and anomie [*Sotsial'naya struktura i anomiya*] // Sociology of crime. Contemporary bourgeois theories : Transl. from English. – Moscow : Progress. – P. 299–313.

Présentation du Haut-Commissariat au Plan. (2020) // Gouvernement français [site officiel]. – Mode of access: <https://www.gouvernement.fr/haut-commissariat-au-plan/presentation> (Date of access – 21.02.2021).

Prokhorenko I.L. (2017). Diasporas and diaspora «worlds» [*Diaspory i diasporal'nye «miry»*] // Identity: Personality, society, politics. Encyclopedic ed. / I.S. Semenenko (Ed.). – Moscow : «Ves' mir» Ed. – P. 432–439.